

Научная статья

УДК 94(450).04

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.8>

УСТАНОВЛЕНИЕ НАРОДОВЛАСТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ФЛОРЕНЦИИ

Ирина Александровна Краснова^{1*}, Каринэ Размиковна Амбарцумян²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
gorward_@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4951-6609>

² Доктор исторических наук, доцент
karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В 1293 г. во Флоренции были приняты «Установления справедливости» – подобие демократической конституции, которые узаконили преобладание в управлении городом-государством популанов – простых ремесленников и торговцев. Этот политический режим в основе своей сохранился вплоть до конца 1532 г., когда республика Флоренция перестала существовать как самостоятельное государство. Несмотря на широкий доступ к государственным постам, пришедший к власти народ не достиг социального единства, разделившись на бедных – «тощий народ» и богатых – «жирный народ». **Материалы и методы.** Статья написана с применением методов традиционного исторического исследования. **Анализ** представленного материала показывает, что три поколения семьи Медичи, происходя из популанских слоев, хотя и привнесли в общество города-государства определенные элементы олигархического правления, особенно заметные при Лоренцо Медичи, тем не менее, не свергли и не демонтировали республиканский строй. Он был уничтожен войсками иноземцев. **Результаты.** Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что к концу XIV в. Флоренция представляла собой республику с явными признаками демократического устройства.

Research article

ESTABLISHING POPULAR SOVEREIGNTY IN THE FLORENTINE REPUBLIC

Irina A. Krasnova^{1*}, Karine R. Ambartsumyan²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkin str., 355017, Stavropol, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor
gorward_@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4951-6609>

² Dr. Sc. (History), Associate Professor
karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. In 1293, the “Statutes of Justice” were adopted in Florence, a semblance of a democratic constitution that legitimized the predominance of the popolani – simple artisans and merchants – in governing the city-state. This political regime essentially persisted until the end of 1532, when the Republic of Florence ceased to exist as an independent state. Despite wide access to government posts, the people who came to power did not achieve social unity, dividing themselves into the poor – the “lean people” – and the rich – the “fat people”. **Materials and Methods.** The article is written using traditional historical research methods. The **analysis** shows that three generations of the Medici family, descended from the popolani strata, although they introduced certain elements of oligarchic rule into the society of the city-state, especially noticeable under Lorenzo de’ Medici, nevertheless did not overthrow or dismantle the republican system. It was destroyed by foreign troops. **Results.** The study concluded that by the end of the 14th century, Florence was a republic with clear signs of a democratic structure.

Введение. В XII–XIII вв. основным правящим слоем в республике Флоренции являлись гранды – знатные фамилии, которые в опреде-

Ключевые слова: коммуна, популаны, гонфалоны, цехи, гонфалоньер справедливости, «жирный народ», «тощий народ», приорат цехов, капитан народа, снос башен

Для цитирования: Краснова И. А., Амбарцумян К. Р. Установление народовластия в республике Флоренции. // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 2. С. 243-252. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.8>

Конфликт интересов: доктор исторических наук, доцент К. Р. Амбарцумян является ответственным секретарем журнала «Гуманитарные и юридические исследования», доктор исторических наук, профессор И. А. Краснова является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 18.01.2026

Статья одобрена после рецензирования: 12.04.2026

Статья принята к публикации: 27.04.2026.

Keywords: commune, popolani, gonfalon, guilds, gonfaloniere della sud (Gonfaloniere of Justice), “fat people,” “lean people,” priory of the guilds, captain of the people, demolition of the towers

For citation: Krasnova IA, Ambartsumyan KR. Establishing popular sovereignty in the Florentine Republic. Humanities and law research. 2026;13(2):243-252. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.8>

Conflict of interest: KR Ambartsumyan, Dr. Sc. (History), Associate Professor, is the executive secretary of journal “Humanities and law research”. IA Krasnova, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of Editorial Board of journal “Humanities and law research”. The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 18.01.2026

The article was approved after reviewing: 12.04.2026

The article was accepted for publication: 27.04.2026.

ленной степени можно считать полу-феодальными, поскольку, обитая по большей части во Флоренции, они в то же время могли владеть

крупными и компактными земельными комплексами в контадо – сельской округе, примыкающей к городу [20, р. 64; 3, с. 45, 613-614]. В то же время формировался и организовывался слой простого народа, составляющий большинство населения этого города-государства – массы пополанов, являющихся свободными ремесленниками и торговцами [12, р.40 – 55].

Материалы и методы. Материалы, на которых базируется статья, относятся к концу XIII – началу XV в. и освещают ситуации, которые возникали в городе-государстве Флоренции в связи с социально-политическими реформами, вследствие которых произошла демократизация общественного строя. Представители знати утратили бразды правления городом-государством, и власть перешла в руки ремесленников и купцов – простого народа.

Основными методами исследования являются:

- историко-генетический, позволяющий выявить значительные достижения развития Флоренции при народном правлении: город- государство значительно расширил свою территорию, присоединив к началу XV в свои границы всю провинцию Тоскану, а также создал великую культуру, ставшую достоянием всего человечества;

- историко-сравнительный метод, показывающий, как преобразился город при народном правлении, власть ушла из рук знатных грандов, связанных с земельными владениями за пределами города, и ведущих междоусобные войны внутри городских стен, опираясь на свои вооруженные башни;

- историко-психологический, позволяющий понять, насколько отличались ментальные установки и ценности флорентийцев от представителей феодальных формаций.

Анализ. В 1250 г. пополаны, преобладавая численно, добились права иметь свои автономные политические институты: организации по территориально-административному принципу – 20 гонфалонов, по которым распределялось свободное население города, во главе каждого гонфалона самими гражданами избирался Капитан народа. В 1254 г., опираясь на гонфалоны, флорентийские купцы добились многих льгот и привилегий в пошлинах и налогах: не случайно хронист Джованни Виллани называл 1254 г. «годом победоносным»: именно тогда во Флоренции стали чеканить собственную полновесную золотую монету – флорин. В 80-90-е гг. XIII в. эти простолюдины достигли сплоченности в сфере профессионально-корпоративной – по цеховому принципу [1, с.VII; 16, р. 208; 18, р. 82 – 83]. К концу XIII в. флорентийский народ, организованный в 21 цех, уже вел борьбу с грандами за преобладание в управлении государством. Их победа в январе 1293 г. ознаменовалась принятием «Установлений справедливости» – своеобразным подобием конституции, которая декларировала верховенство в комму-

нальном обществе ассоциации граждан, состоящей из 21-го цеха [9, р. 136–137]. Таким образом, высшая исполнительная власть в лице главного коллегиального органа – Синьории практически полностью перешла в руки членов цехового общества [14, р. 31]. Пополанство стало главенствующим социально-политическим слоем граждан, а Флоренция – государством-коммуной. С этого времени кандидатами на должности Приоров, управляющих городом, могли быть избраны только члены цехов, которые активно занимались ремеслом и торговлей. Тогда же учредили должность «Гонфалоньера Справедливости» (ит. Гонфалоньер – знаменосец), как главы Приората, при котором постоянно находилась гвардия из 1000 человек, состоящая только из пополанов и ремесленников [5, р. 54.] Таким образом, знатные фамилии грандов почти полностью утратили свои доминирующие позиции, а во Флоренции установилось своего рода демократическое правление.

Это подтверждается новыми поправками к «Установлениям справедливости», усиливающими волю города-государства, в частности, коммуна получила свободу жаловать грандам пополанский статус за «выдающиеся заслуги». В этой связи 10 знатных семей из контадо Флоренции обратились с прошениями в Синьорию и получили искомый пополанский статус. При этом сами флорентийцы относились к таким новшествам неоднозначно, заявляя, что семьи некоторых влиятельных и надменных пополанов следует причислить к грандам [1, IX, с. 267, с. 286]. Хроника Донато Веллутти также подтверждала это. Хронист писал, что их «кровные враги – знатный род грандов Маннелли, которые были питаемы дурной желчью ненависти к нам, и презирали нас из-за своего величия, но коммуна принудила их к примирению, хотя ненависть осталась» [30, р. 20.]. И только когда Донато Веллутти был избран на высокий пост – Гонфалоньера Компании, «Бертоне Маннелли, с трудом проглотив дурную желчь, долго им изрыгаемую, приспал сказать нам, чтобы мы стали братьями, и еще некоторые из них, зная свою вину перед нами, пришли извиниться и сказать, что они хотели бы стать моими братьями. Я согласился, и Бертоне благодаря мне был произведен в пополаны» [30, р. 18–20]. Народ, придя к власти, добился многих успехов: сократились число вооруженных конфликтов в городе, были снесены многие постоянно угрожающие гражданам башни при домах знати, опираясь на которые, гранды часто устраивали на улицах и площадях междоусобные побоища с большим количеством жертв. Башни в небольшом количестве оставили только наиболее миролюбивым знатным кланам, но сократили их в высоту до 50-ти м., снос башен дало возможность благоустроить город – проложить прямые и широкие улицы, ведущие к центру Флоренции, а в каждом гонфалоне организовали отряды пополанской милиции, которые постоянно следили за порядком.

Однако при этом вскоре стало быстро давать о себе знать явно выраженное социально-экономическое разделение внутри самого пополанства, которое, начиная с середины XIV в., к концу этого столетия стало вытеснять прежние антагонизмы, как социальные – между грандами и пополанами, так и партийные – между гвельфами и гибеллинами. «Новые фамилии» пополанов стали все больше заявлять о себе на страницах хроник к 40-ым годам XIV в.: Сальвиати, Аччайуоли, Альберти, Альбицци, Строцци, Медичи – большинство представителей этих домов и в XIII в. занимали должности в Коммуне и цехах, но гранды тогда еще доминировали в политической жизни города, теперь же, с конца XIII в. и в первой половине XIV в. (до 1343 г.) персональные позиции представителей «жирного пополанства» – «добрых купцов и рассудительных людей, обычно одетых в грубые одежды, толстых с виду, но тонких в делах», начинали все более заявлять о себе в политике республики Флоренции, невзирая на жесткую систему жеребьевок и запретов при избрании на должности [25, р.34]. Усилению цехов способствовал еще один новый орган народного управления городом – Приорат цехов, возникший в 1282 г. [2, с. 52–53; 13, р. 40 – 65]. Однако процесс формирования коммунального народовластия нес в себе сложности и противоречия, поскольку складывающаяся в условиях республиканского суверенитета демократия иногда приводила к «генетической неуправляемости флорентийского общества» [7, р. 62], и тогда городу-государству требовались подпорки в лице носителей диктаторских полномочий или представителей монархических форм правления. В 1301 – 1302 гг. приглашали править городом французского герцога Карла Валуа, в 1313 г. власть на 8 лет предоставили неаполитанскому королю Роберту I, в 1325 г. призвали герцога Карла Калабрийского править на 10 лет.

Такого рода сложности дали о себе знать в конце XIII в., когда начало давать о себе знать новое разделение общества уже внутри пополанства не только по социально-имущественному признаку, но и по цеховой принадлежности – на «жирный народ», как называли членов более богатых старших цехов, и «тощий народ» – члены младших цехов. Это расслоение внутри пополанства с течением времени все более становилось предметом рефлексии всех граждан Флоренции, но особенное внимание хронисты стали уделять ему с 1342 г., когда, после проигранной войны за завоевание Лукки, во Флоренции решили передать власть над городом своего рода монарху – герцогу Афинскому Готье де Бриенну, который утратил контроль над Афинами, сроком на 1 год. Новоявленный правитель, видимо, желая власти и денег, сначала встал на сторону грандов, обещавших ему пожизненное правление Флоренцией, если он свергнет народовластие, и он попытался

начать расправу с самыми авторитетными и богатыми пополанскими кланами Ручеллаи и Медичи, затем вдруг, видимо, убедившись в бесплодности своих усилий, поскольку оба клана были уважаемы многими согражданами, герцог стал вести демагогическую политику, удовлетворяя интересы представителей младших цехов. Как писал очевидец событий – хронист Донато Веллутти, назначенный герцогом на должность «Защитника бедных»: «Устроил герцог новое избрание на должности Приоров, призвав одного мясника и других ремесленников, которые ему очень благоприятствовали и водились с ним» [30, р. 160–161].

Другой современник происходящего, хронист Джованни Виллани, заявлял: «Герцог добивался избрания Приоров из числа тощего народа и предоставил им «Гонфалон Справедливости». Передача этого знамени той или иной группе граждан означала, что они допускаются к управлению городом. Этим жестом герцог «передал управления городом угодным ему мясникам, виноторговцам, чесальщикам шерсти – членам младших цехов, предоставив им свободу выбирать себе по вкусу цеховых консулов и ректоров, и они возымели стремление получать более высокую плату за свой труд» [21, р. 47-49; 1, XII; 11, с. 404]. Это свидетельствует о том, что герцог, желая укрепиться у власти, пытался теперь опереться на младшие цехи, предоставляя им большую часть государственных постов. О последствиях этой политики свидетельствует также хроника М. Стефани в рубрике где говорится о бедствиях после эпидемии чумы, последующей вскоре за изгнанием герцога: «Портные стали неумеренны в цене, которую они запрашивали за свой труд», «Слуги и служанки высказывали недовольство, требуя великих расценок», даже восставших и изгнанных из города чомпи – самые низшие слои населения, как правило, нанимающиеся на поденную работу Стефани далеко не всегда считал бедняками, как не считал таковыми и наемных батраков, о которых заявлял: «Работники на земле контадо желали, чтобы почти весь урожай с полей оставался им» [26 R. 636, р.232–233, р. 636,].

Но самое главное последствие демагогической политики Готье де Бриенна, состояло в том, что представители младших цехов сохранили право занимать государственные посты по решению Коммуны и после свержения Герцога. Здесь следует обратить внимание на два момента: во-первых, их, как и жирных пополанов, спланивали и организовывали гонфалоны, где они обитали, а во-вторых, в большей степени объединяла опора на ремесленные цехи, где они работали и приобретали навыки единства и солидарности. Цехи для средних и младших ремесленников играли большую роль, нежели для жирного народа, объединенного в старших цехах, многие из которого в XIV в. были уже больше заняты не ремеслом, как таковым, но внешней торговлей, приносящей вы-

сокую прибыль, ростовщичеством и банковским делом: классическим примером может служить дом Медичи. Дискурсы о низших слоях попопанства, постоянно связаны с цеховым аспектом – организацией по 14-и средним и младшим цехам, объединяющей большинство трудящегося населения, производящего не предметы роскоши, но вещи, без которых город не мог обойтись в повседневной жизни.

Хронисты Джованни Виллани и Маркьонне Стефани, описывая городские празднества, фиксировали новшество, состоящее в том, что «тощий народ», имея ввиду средние и младшие цехи, организовывался для праздничных приношений церквям и коммуне именно по цехам, а не по гонфалонам, как обычно делалось раньше. М. Стефани связывал эти подношения со стремлением тощих попопанов народа продемонстрировать свое возвышение, которое хронист не во всем одобрял: «Но граждане помнили праздничные приношения по гонфалонам, и видели как перевозится тощий народ и чесальщики шерсти, сильно негодуя по этому поводу, потому что это, как они считали, было против всех божественных и человеческих установлений» [26 R. 575, p.202–203; 1, XII, с.407–408]. В данном случае хронист Стефани явно выступал с позиций «жирного народа», подразделяя гражданское сообщество на грандов, жирных попопанов и тощих: «Эти ремесленники ранее никому не были известны, но теперь думалось им, что они основа мира, потому что находились они в фаворе при герцоге Афинском, и получили право участвовать в управлении» [26 R. 588; p. 211].

Поведению «тощих» в беспорядках 1343 г., когда изгоняли герцога Афинского, Стефани уделял большее место, нежели Джованни Виллани, посвятивший их действиям всего несколько строк. Стефани в отдельной рубрике сообщал о том, как «тощий народ, в котором преобладали чесальщики шерсти (*gente minuta e scardassieri*) в количестве 1300 человек, набросились на дома людей из знатной фамилии Черретьеры с криками «Грабь награбленное!». Они не послушались спокойных речей Подеста – должностное лицо с высокими полномочиями, вступили в стычку с его «фамилией» – вооруженный граждан, который сопровождал Подеста при наведении порядка в городе, пока, наконец, он не приказал отрубить одному из грабителей руку, а другому ногу». Далее следовал постоянный дискурс М. Стефани о желании тощих возвыситься, и из бедных сразу сделаться богатыми» [26 R. 593, p. 215–216]. При этом важно отметить, что представители младших цехов сохранили право занимать государственные посты по решению Коммуны и после свержения Герцога, поскольку Город-государство просто не мог без них обойтись. В коллективных ментальных представлениях граждан герцог Афинский отразился как архетип тирана, поправшего свободу Флоренции и встретившего достойный отпор ее граждан.

Таким образом с 1343 г. устанавливается режим, продлившийся до 1378 г., при котором в коммуне преобладали средние и младшие цехи, но в то же время в оценках хронистов и деловых людей все яснее и чаще начинают высвечиваться противоречия уже внутри попопанской среды. Не всегда критика в адрес социально-политического устройства 1343–1378 гг., когда в управлении республикой преобладал «тощий народ», со стороны хронистов являлась обоснованной, ибо за время преобладания своего правления представители средних и младших цехов сделали немало полезного: ограничили церковную юрисдикцию, повысили заработную плату для целого ряда категорий наемных работников, снизили налоги для рабочих и младших ремесленников (статуты 1355 г.). Они успешно осуществляли очень сложную политику эквистрирования между разными группами цехов, разрешив пришлым работникам свободное вступление в 14 средних и младших цехов, и даже в некоторые из старших, например, в цех меховщиков, что усиливало их собственные позиции и еще более обособляло верхушку жирного попопанства. И все это вершилось при значительных внешнеполитических трудностях, которыми сопровождалось в то время их правление: в 1358 г. Пизанская коммуна отменила для флорентийцев льготы на транзит иностранных товаров, а арендованный у нее за значительную сумму, небольшой порт Таламоне не мог удовлетворить нужд флорентийских купцов, и конфликт вылился почти в настоящую войну 1362–1364 гг. между Флоренцией и Пизой [27, p. 299, 308–309].

На этом этапе исследования возникает вопрос о том, как воспринимали сами граждане республики правление с преобладанием представителей средних и младших цехов? «Домашняя хроника» флорентийца Донато Веллутти убеждает в том, что до второй половины 50-ых годов XIV в. главными для него оставались пока не до конца изжитые противоречия между грандами и попопанами, а также между партиями гвельфов и гибеллинов. Но он уже видел и учитывал дифференциацию внутри попопанства, воспринимая ее подобно большинству граждан, как различия по цеховому принципу, выделяя 7 старших цехов – элиту купцов и ремесленников и 14 младших и средних цехов в пропорциях избирательных списков – «избрали 8 приоров от 7-и от старших цехов и нобилей, которые теперь стремились записаться в цехи, чтобы получить доступ к управлению государством, и 2-х от 14-и средних и младших цехов» [30, p. 192–193]. В 1356 г. Донато Веллутти был избран Приором по списку 1348 г., и за время своего приората снискал большую вражду со стороны цеха мясников, «устроивших большой скандал и нечестиво осуждавших волю и действия правящих коллегий, за что мы решили лишить их консолей» (т.е. прав политического представительства). Затем

он указывал, что другими Приорами права были им быстро возвращены: «Город не мог оставаться без мяса, а ко мне мясники потом постоянно испытывали великую вражду» [30, р. 232]. Описывая этот конфликт, Донато характеризует его скорее не как противоречие внутри пополанства, но как столкновение коммунальных (общегосударственных) интересов с корпоративными (цеховыми). Можно согласиться с мнением итальянских историков, что водораздел между старшими, средними и младшими гражданами скорее лежал не в сфере экономики, а в области политики и социальных отношений: они разнились по положению, занимаемому в обществе, по престижу и могуществу друзей и родственников, по роли, какую играли в коммунальном правлении [16, р. 163–166, 181–190; 6, р. 88–89].

Хронисты, которые были очевидцами этих событий, в частности, Маттео Виллани, Маркьонне Стефани и Донато Веллутти, также обращали внимание не столько на социальные противоречия, сколько на борьбу семейных кланов между собой. Но явно выраженное разделение внутри пополанства на «жирных» и «тощих» становилось предметом все большей рефлексии общества скорее с середины XIV в., а к концу этого столетия оно начинало вытеснять прежние антагонизмы – между грандами и пополанами, гвельфами и гибеллинами.

Говоря о стремлении обогатившихся фамильных кланов занять главенствующие позиции в управлении государством в XIV – XV вв. следует помнить, что они практически все исходили из пополанских слоев. Однако доступ к власти мог стать предпосылкой к элитарным и олигархическим амбициям, как это видно на примере противостояния пополанских фамилий Риччи и Альбицци, начавшегося в 50-е гг. XIV в. Оба рода представляли одну и ту же социальную среду. Эти пополанские и гвельфские фамилии в XIV в. не могли считаться старыми родами Флоренции, поскольку переселились в республику не ранее XIII в. Уже в середине XIV в. оба дома славились своим могуществом и влиятельностью, обитая также и в одной картюре. Разница заключалась в том, что Риччи, часто занимая военные должности, опирались на дружбу с синьорами Ломбардии, тогда как Альбицци ориентировались на римских понтификов. Пьеро ди Филиппо, глава клана Альбицци в середине XIV в., приходился племянником флорентийскому архиепископу Корсини и пользовался покровительством папского двора [9, р. 236–137]. Во время противостояния агрессии миланского правителя Бернабо Висконти (1354–1385) Риччи и Альбицци заняли непримиримые позиции в сфере внешней политики: секта Риччи противилась союзу с церковью в лице папы Урбана V (1362–1370), на котором настаивали Альбицци.

Д. Веллутти обвинял обе фамилии в неумеренных притязаниях на власть, описывая их

соперничество и вражду за большее влияние в городе-государстве, но при этом он обратил внимание на очень важный фактор: и Риччи и Альбицци, члены старших цехов, стояли на одной и той же социальной платформе: они старались обеспечить себе поддержку в первую очередь именно младших цехов, не останавливаясь даже перед тем, чтобы обещать им увеличить количество младших и средних цехов с 14-и до 21-го., что приветствовалось большинством народа. Однако, многим представителям среднего пополанства, включая и Веллутти, пришлось разочароваться: они пришли вскоре к убеждению, что Альбицци, на которых они возлагали в начале столь большие надежды, прежде всего стремились к личному влиянию и преобладанию в городе [30, р. 203–204]. Этот вывод подтверждал и хронист М. Стефани, обозначая эти противоборствующие фамилии, как «секту Риччи» и «секту Альбицци», «которых «Синьоры, управляющие тогда городом, заставили помириться, но осталось недоброжелательство между ними, усиливающееся всякий раз, как одна из фамилий получала преобладание по количеству мест в Приорате [26 R. 727, р. 278]. Донато Веллутти предрекал: «За это соперничество «в которое втягивались многие граждане, обе фамилии понесут в будущем позор и крушение [30, р. 241–243, 247]. Итальянский историк А. Радо полагал, что противостояние Риччи и Альбицци можно считать только персональным соперничеством, заявляя: «В этой борьбе оба клана не проявляли «искренних демократических чувств, и в меньшей степени их, особенно Риччи, волновали соображения истинного гвельфизма» [19, р. 27.], предполагая тем самым возможное стремление к единочальному правлению.

Хронисты, которые отмечали с середины XIV в. возрастание противоречий между низшими и высшими слоями пополанства, также акцентировали внимание не столько на имущественном и социально-политическом положении тощего народа, сколько на том, что выдвигались «новые люди вместо добрых и древних фамилий» [26 R. 636, р. 232–233]. Маттео Виллани, помимо традиционных противоречий между грандами и пополанами, между гвельфами и гибеллинами, основополагающим также считал антагонизм между «старыми», то есть коренными гражданами города, и «новыми», до 1343 г. не имеющими доступа к управлению: «Но так случается часто в нашем городе, что каждый порочный ремесленник из сообщества желает достичь степени Приората и старших должностей в коммуне, где следует предусматривать и решать великие и трудные дела, а он, опираясь на своих цеховых уполномоченных, добивается искомого; так действуют и другие лица недалекого понимания и из новых граждан, каковые через большие дары и затраты оказываются каждые три года занесенными в списки на ком-

мунальные должности; и их такое множество, что добрые, древние, мудрые и предусмотрительные коренные горожане не могут решать дела коммуны, не имея возможности возвыситься над теми новыми, что является делом чуждым старинному правлению наших предков и их добросовестной предусмотрительности» [32 Сар. II, р. 120–121]. Традиции своих дяди Джованни Виллани и отца Маттео Виллани в оценках флорентийского разделения общества продолжал и младший хронист этой фамилии Филиппо Виллани. Главной причиной флорентийских бедствий он считал «засилье в правлении новых граждан: «Запреты мешали «старым и почитаемым горожанам, мудрым и опытным, войти в правление, а они в отместку не подавали ценных и полезных советов с любовью к республике и верой в нее», далее он продолжал: «Много незрелой молодежи находилось на должностях по протекции их отцов, что усиливало тайную и явную ненависть, переполнявшую старых граждан; алчность захватила души многих; секты не успокаивались, следя в страхе друг за другом». Он же сокрушался о том, что: «из города нашего, раздираемого противоречиями, вынуждены уходить наиболее талантливые граждане, в частности, сэр Брунетто Латини» [31 L. XI, Сар. LXV, р. 440–442]. Филиппо Виллани, как и его отец Маттео, общественные противостояния казались предпосылкой тиранического режима: «Было бы удивительно, если бы эти противоречия и смуты не привлекали и не устремляли дух какого-нибудь тирана к надежде на синьорию, а нашем государстве, поддерживая его в этом намерении» [31 L. XI Сар. LXV].

Хронисты середины XIV в., обращали много внимания на вражду семейных кланов между собой, нередко доходящую до кровной мести – вендетты. Маттео Виллани именно таким образом описывал распрю между кланами в 50-е гг.: «Бордони, главой коих являлся мессер Герардо из этого дома, сосредоточившись на том, что он и его род были обмануты их соседями Манджони и Беккануджи в деле обезглавливания их консортия Бордоне, собрались со всеми своими людьми и начали словесными поношениями, а потом и с оружием нападать на Манджони; и силой загоняя их в дома, и при этом нападении супруга Андреа ди Липоццо де Манджони получила удар копьем выше брови, от какового она вскоре умерла». Бордони были осуждены за то, «что возмутили спокойное и мирное состояние города и изгнаны из Флоренции, и почти все, что они имели, было обозначено и изъято как имущество мятежников» [32 L. IV, Сар. 20]. Как видно из сказанного, межклановые противоречия и обычаи кровной мести быстро воспринимались пополанскими семьями, включавшими членов младших и средних цехов, но все же при режиме их правления усиливались карательные меры против нарушителей

мира и порядка в городе. Возможно предположить, что правление с преобладанием тощего народа, довольно активно отстаивающего свои позиции, могло отчасти спровоцировать в 1378 г. восстание чомпи, положившее конец этому режиму с преобладанием младших цехов.

М. Стефани в большей степени, нежели более ранние хронисты, подчеркивал разделение представителей городского социума на жирных пополанов и тощий народ – членов младших цехов, к которым он до конца июля 1378 г. относил и чомпи. В конце 1378 г. произошло событие, известное как восстание чомпи, приведшее к изменениям социальной структуры общества, которую в определенной мере граждане Флоренции пытались осмыслить и анализировать. По мнению Стефани, жирный народ – «*buoni uomini*» («добрые люди»), под которыми он подразумевал «славных купцов и гвельфов», считая их в первую очередь знатными. Они противостояли с одной стороны грандам, а с другой стороны – «самым младшим» – чомпи, плебейским и полуплебейским элементам, исключая членов 5-и средних цехов. М. Стефани отчетливо делил общество на три группы. Во-первых, он выделял глав правительства, в руках которых сосредотачивалась наибольшая власть: Джорджо ди мессер Франческо Скали, Донато дель Рико – судья, Томмазо ди Марко дельи Строцци, Сальвестро ди мессер Аламанно де Медичи, Бенедетто ди Нероццо дельи Альберти. Во-вторых, этот хронист обозначал некую формирующуюся «элиту» из новых младших цехов, основанных чомпи в ходе восстания: Симоне ди Бьяджо, Лоренцо ди Донато, красильщик, Сальвестро ди Джованни, красильщик, Феоццо ди Казино, стригальщик, и другие. Большая их часть принадлежала к двум вновь образованным младшим цехам красильщиков и портных. При этом, по словам хрониста, «одна партия осуждала другую». В-третьих, была также «партия купцов и ремесленников из старых фамилий, которые хотели жить в мире, и порицали аммонированных граждан (то есть, ранее лишенных права занимать должности из-за каких либо проступков) за то, что возникали такие неурядицы и проблемы из-за их личной мести» [26 R. 814, р. 344].

Самыми опасными для режима с преобладанием младших цехов являлись теперь не гранды, но представители жирного пополанства, богатые ремесленники и добрые купцы, в руках которых находился основной потенциал созидания: боттеги, банки, торговые филиалы, деньги. Маркьонне Стефани, как полагал итальянский историк А. Монти, с 1342 г. уже четко делил народ на жирных пополанов, средних и младших [16, р. 118–120]. С ним не согласен современный итальянский историк С. Бертелли, который считал, что четкое разграничение граждан Флоренции на жирных, средних и младших по цеховому принципу является искусственной

схемой, восходящей к трудам немецкого историка А. Дорена [6, р. 76–77; 13, р. 273]. Современные историки еще не пришли пока к единой точке зрения.

В «Воспоминаниях» Джованни Морелли, как и в хронике Стефани, противоречие между жирными и тощими попопанами также выдвигается на первый план и становится определяющим во время восстания чомпи. К плебейским низам города Джованни Морелли относился с осуждением: «Все это время чомпи не переставали творить зло: разграбили торговую палату Коммуны и сожгли в цехе Лана все записи». Морелли, вопреки многим хронистам, не порицал предводителя восставших Микеле ди Ландо, напротив, ему сочувствовал подчеркивая, что «Гонфалоньер не мог больше переносить преступных действий чомпи, но и не мог уже их предотвращать» [17 70b, р. 322–323]. Но этот хронист в то же время указывал, что во главе чомпи стояли и представители жирного народа: мессер Джорджо дельи Скали, мессер Томмазо ди Марко Строчи, мессер Бенедетто дельи Альберти. Этот очевидец событий отмечал, что во время восстания происходила перегруппировка правящей верхушки: на смену заправилам партии гвельфов, объединяющихся с грандами, например, Альбицци-Буондельмонти, «приходили другие представители жирного попопанства, «которые искали союза с тощим народом, входящим в младшие цехи». Видимо, они считали его тогда более перспективной социальной силой, позволившей им, в конечном счете, прийти к власти [17, р. 323].

Однако, режим тощего народа 1378–1381 г. был неблагоприятен для массы жирных попопанов. Стефани, характеризуя обстановку летом 1380 г., писал: «Все более ширилось негодование великих домов и тех фамилий Флоренции, которые привыкли править..., поскольку свое влияние и власть они теперь могли использовать только наполовину из-за того, что в каждом списке должностей в Приорат теперь было более 1000-и имен, тогда как ранее там было всего около 300, и тогда имена жирных попопанов вытягивались из сумок в 7 случаях из 9». Как видно, расширение рамок демократии не пришлось по вкусу зажиточным попопанам. Дальнейшие реформы монеты и налогов быстро привели к значительной и быстро растущей дороговизне продуктов питания в городе, последствием которой стало стремление жирных попопанов как можно скорей покинуть город вместе со своими накоплениями. Стефани отмечал, что большая часть богатых купцов и предпринимателей отбывали из Флоренции на свои загородные виллы и там оставались: «Так «они могли меньше тратить на одежду и пищу, не уплачивая габелл: ибо соль стоила во Флоренции 6 лир, а в контадо – 3 лиры, также вдвое дешевле стоили свинина, вино, проезд на повозке, дрова

и другие вещи первого потребления». В ноябре 1380 г. было принято постановление о том, чтобы представители жирного народа не покидали город, а если они все-таки уезжали жить на виллы, то облагались особыми таксами. Для контроля над этим была введена особая должность «Регулятора» (Regolatore), поэтому многие вынуждены были оставаться в городе» [26 R. 882, р. 384]. Историк Н. Рубинштейн обращал особое внимание на важный психологический фактор: постоянные заговоры создавали атмосферу внутренней напряженности и подозрительности, которая требовала усиления власти со стороны жирного попопанства [23, р. 113], причем с двух сторон: Гранды и гибеллины не оставляли попыток заговоров с целью прийти к управлению как и тощий народ, добивающийся для себя все больших льгот и прав [1 V. 39, с. 230–131, XII. 22, р. 418–420; 24; 25; 26, р. 421–424].

Хроники времен восстания чомпи свидетельствуют о непримиримости в позициях. Безымянный хронист Компаньяно, сторонник «тощего народа» делил горожан на «злостных граждан» (архигвельфов – И.К., А.К.) и «тощий народ», явно принимая сторону последнего. При этом он был убежден в том, что функционеры и главы гвельфской партии заслуживали своей участи «из-за злодеяний, которые они совершили в прошлом» [10, р. 97, 104]. Он полностью оправдывал действия тощего 22 июля 1378 г., рассматривая их как продолжение борьбы против засилья партии гвельфов.

Сочувствуя восставшим, Компаньяно был склонен идеализировать их действия: по его мнению, «Никто не был поражен персонально» [10, р.97 – 98], что противоречило фактам. Он подчеркивал, что тощий народ, «хотя и очень дерзкий в своих действиях, не стремился воровать и грабить, описывая в своей хронике эпизоды «убийства несправедливо нажитой собственности»: «Ничто из вещей, предназначенных к сожжению, как несправедливо нажитое имущество богача, не было вынесено наружу», то есть не присвоено восставшими, «и также было сделано во всех последующих случаях, каждую вещь бросали в огонь, а на тех, кто пытался украсть, восставшие нападали и избивали их за то, что они хватали вещи, которые там были»: «Жена Доменико ди Берто, одного из восставших, принесла хворост туда, где находились серебро, деньги, ценные вещи, и предложила брать их и бросать в огонь, и никто не пожелал ничего на это ей возразить» [10, р. 104].

Он позитивно оценивал деяния Синьории Микеле ди Ландо, вождя восстания чомпи, за то, что поджоги и убийства были им запрещены, а также возвращены изгнанники, началась реабилитация граждан, которые были лишены избирательных прав, причем списки на должности составлялись так, «чтобы коммунальные посты получали все, кто были добрыми людьми и куп-

цами, так, чтобы боттеги начали открываться» [10, р. 106, 109–110, 111–112, 126–128]. Следует отметить, что времена восстания чомпи в 1378 в действиях восставших прослеживалась не только социальная подоплека, но и выражение личной ненависти, а также сведение счетов между отдельными фамилиями. Компаньяно при характеристике событий 20 июня 1378 г. упоминал, что «Сандро дель Аккорри де Пацци был в ярости из-за порочности своего соседа, который поджог его дом» - тем самым подчеркивая факты межкланового и личного сведения счетов, постоянно происходящие во время восстания [7, р. 95 – 96.] Но этот хронист решительно отмежевывался от радикальных слоев движения – чесальщиков, мойщиков, шерстобитов, – которые отдельно поднялись в 20-х числах августа под лозунгом «Да здравствуют тощий народ и цехи!»: «Стремились... иметь то, что им не полагалось..., но Господу было неудобно, чтобы большое зло случилось в эти дни» [10, р.95].

Даже восставших и изгнанных затем из города чомпи, Стефани далеко не всегда считал бедняками, судя по его ремаркам, относящимся к 1380 г.: «В указанный год сложились благоприятные условия для рабочих цеха Лана, называемых «чомпи», исполнившихся большой спеси, потому что они избирались на должности, а в Болонье, куда многие из них были изгнаны, уславливались с тамошними чомпи о том, чтобы роскошно жить..., чомпи из Болоньи и Сиены к этому готовились и имели вооруженных людей и деньги» [26 R. 888, р.386–387]. Во Флоренции, однако, в недолгий период правления чомпи не произошло каких-либо радикальных переворотов, возможно, еще и потому, что во главе их правления стояли представители «жирного народа»: Сальвестро де Медичи, Бенедетто дельи Альберти, Томмазо дельи Строчи, Джованни Дини, Ромиджи Рондинелли, имеющие опыт управления государством.

Многие современники событий восставших порицали. Более жесткие позиции высказывал богатый нотариус сер Нюфри делла Риформаджоне, непримиримый противник режима тощего народа в 1378 – 1382 гг. Вышеупомянутых глав этого режима: он прямо называл «недоумками» и «дурными людьми», обвиняя их в том, что «они – «возмутители великого зла и скандала, «взволновали... народ, и дали распоряжение устроить мятеж в городе...» [22, р. 3–4, 9–10]. Себя он отождествлял с флорентийскими изгнанниками – архигвельфами, позиционируя собственную персону в качестве их главы и центра [22, р. 11–12]. Для него характерно четкое деление на врагов – «чомпи и гибеллины» с одной стороны; и своих – изгнанники и «истинные гвельфы», с другой [22, р.13, 15].

Как воспринимало республиканское общество происходящие перемены? Судя по оценкам

граждан, большинство их одобряли порядок, устанавливающийся после подавления восстания чомпи, в конце 80-х – 90-е гг. XIV в.: в нем намечались пути к конформизму и социальному миру. Джованни Морелли, представитель «жирного народа» писал в своей «Хронике»: «Этот новый порядок был неплохим, поскольку отличался определенностью и был поддержан всей Коммуной.... Наконец, наше государство пребывало в покое, а политические вопросы теперь решались не кликами и баррикадами, но бобами (имеются в виду бобы, которые бросали в суммы при голосовании на должности) [17, р. 322–323]. В мемуарах и хрониках граждан стали появляться заповеди «золотой середины», свойственные большинству средних пополанских слоев, стремящихся не допустить чрезмерного сужения олигархии, но одновременно избежать мира, «вывернутого наизнанку»: правления архигвельфов, то есть установления диктатуры партии, который республика пережила ранее, или «тощего народа», то есть младших цехов. Об этом свидетельствуют вирши уважаемого гражданина Никколо д'Уццано, одной из ключевых фигур режима 1382–1434 гг. Его роль особенно возросла после 1417 г., когда он встал во главе олигархической группы: его трижды избирали на высший пост Гонфалоньера Справедливости [11, р. 185–189], мастера компромиссов, выступающего за сужение круга лиц, имеющих доступ к власти. Он требовал «избирать на посты членов древних фамилий, опытных и независимых..., ибо нельзя допускать, чтобы блаженную донну целовал деревенщина» (Блаженная Донна – метафора, которой часто именовали Флорентийскую республику [27, р. 248–249]. Предложение Уццано было одобрено всеми олигархами, но отклонено богатым банкиром Джованни Медичи, осторожным после расправ с членами его семьи в 1387, 1393, 1396, 1400 гг., который опасался принимать участие в политической жизни, посвятив себя торгово-банковской деятельности, снискавшей ему авторитет [11, р. 192–193].

Уццано же настоятельно предлагал образец венецианского правления, недостижимый для Флоренции, ибо формирующий в ней патрициат никогда не был замкнут юридически [15, р.575–580].

Основным апологетом, отразившим кульминацию торжества республиканского строя Флоренции, стал выдающийся гуманист Леонардо Бруни (1370 – 1444 гг.), который в «Похвале городу Флоренции» представил его как гармоничную симфонию совершенного инструмента: «...Этот опытнейший город управляется всеми его внутренними властями таким образом, что получается определенный комплекс сил, логичный в себе самом. В нем нет ничего беспорядочного, неопределенного, диссонирующего. Каждый занимает свое место, которое не только для него одного определено, но также

находится в гармоничном отношении с другими [4, с. 180; 28, р. 356].

У представителей олигархических кругов, возраставших после свержения чомпи, особенно заметно смутное ощущение достигнутого равновесия, выраженное в стремлении к некоему пределу, за которым следует законсервировать достигнутый порядок вещей. Джованни Ручеллаи прославлял эпоху стабилизации и покоя в коммуне: «Имелись граждане, способные управлять государством лучше, чем когда бы ни было», что, по его мнению, приводило к выдающимся внешнеполитическим успехам: после 1400 г. произошло завоевание Ареццо, Пизы, Кортонь, других мест Тосканы – доминион Флоренции расширился территориально, позволяя снизить налоги, «а доходы коммуны Флоренции были большими, чем в какое-либо иное время» [24, р. 242–243].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что свободное попопанство: купцы и цеховые ремесленники к середине XIV в. становятся основным главенствующим сословием общества в городе-государстве Флоренции.

Результаты. Представленный материал позволяет утверждать, что Флоренция к концу XIV в. представляла республику, социально-

политический строй которой включал явные признаки демократического устройства: основная часть свободного населения имела доступ к избранию на должности. Но достичь единства в управлении государством оказалось не просто, поскольку попопанство в свою очередь делилось по цеховому признаку на членов старших и младших цехов, но также на людей бедных и богатых, причем следует отметить, что это касалось обеих групп цехов, как старших, так и младших. Немалую роль в этих сословиях играла кровная вражда, доходившая до вендетты, между отдельными фамилиями.

Важно отметить, что в своей основе этот социально-политический строй будет сохраняться в городе-государстве и при правлении трех поколений семейства попопанской фамилии Медичи, которые будут весьма осторожно и постепенно вводить новшества, способствующие усилению их власти, без всяких революций и радикальных переворотов вплоть до 1532 г., когда с помощью войск императора Священной Римской империи Карла V, и при поддержке Папы Климента VII Алессандро Медичи получил титул Герцога Флорентийского и права единоличного правления, а Флорентийская республика перестала существовать.

Литература

1. Виллани Д. Новая хроника или история Флоренции / пер., ст. и примеч. М.А. Юсима. М.: Наука, 1997. 551 с.
2. Компаньи Дино. Хроника событий, случившихся в его время / Пер. М. А. Юсима. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. 304 с.
3. Краснова И. А. Флорентийское общество во второй половине XIII–XIV в.: гранды и попопаны, «добрые купцы и рыцари». М.–СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 494 с.
4. Леонардо Бруни Аретино. Восхваление города Флоренции / Пер. Э. Я. Эльфонд // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М.: Наука, 2004. С.164 – 199.
5. Arnaldi G. Dino Compagni: cronista e militante “popolano” // La cultura. Rivista di filosofia, letteratura e storia. 1983. Vol. XXI. № 1. P. 1–48.
6. Bertelli S. Il potere oligarchico nello stato citta medievale. Firenze: La nuova Italia, 1978. 174 p.
7. Brucker G. Florentine Politics and Society. 1343–1378. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962. 431 p.
8. Cavalcanti G. Istorie fiorentine. Vol. I. Firenze: Tipografia all'insegna di Dante, 1838. 630 p.
9. Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di G. Berti. Firenze: Leo S. Olschki, 1994.
10. Compagnano. Cronica seconda di Anonimo fiorentino (Diario Compagniano) // Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie/Rerum Italicarum Scriptores. Firenze, 1903-1913.
11. Dainelli A. Niccolo d'Uzzano nella vita politica dei suoi tempi // Archivio storico italiano. 1932. Serie VII. Vol. 17. P. 35–86.
12. De Rosa D. Alle origini della Repubblica fiorentina. Dai consoli al “Primo popolo” (1172–1260). Firenze: Arnaud, 1995. 287 p.
13. Doren A. Le arti fiorentine. T. II. Firenze: F. LeMonnier, 1940. 298 p.
14. Hurtubis P. Une famille-témoin. Les Salviati. Citta del Vaticano: Biblioteca apostolica vaticana, 1985. 527 p.
15. Kent D.V. The Florentine Reggimento in the fifteenth century // Renaissance quarterly. 1975. Vol. 28. № 4. P. 575–638.
16. Monti A. Les chroniques Florentines de la premiere revolte populaire a la fin de la Commune (1345–1434). Lille: Atelier national de reproduction des thèses, Université de Lille III, 1983. 1170 p.
17. Morelli G. Ricordi / a cura di V. Branca. Firenze: F. Le Monnier, 1956. 547 p.
18. Najemy J.M. Storia di Firenze. 1200–1575. Torino: Giulio Einaudi editore, 2014. 643 p.
19. Rado A. Maso degli Alberti e il partito oligarchico. Firenze, 1926.
20. Ravaggi S. Il regime ghibellino // Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere a Firenze. Firenze: La nuova Italia, 1978.
21. Razzi S. Vita di Gualtieri duca di Athene. Firenze, 1976.
22. Riformazione N. Cronica di ser Nofri della Riformazione // Corrazini G.O. Ciompi. Cronache e documenti. Firenze: G. C. Sansoni, 1887.
23. Rubinstein N. Il regime politico di Firenze dopo il Tumulto dei ciompi // Il Tumulto dei ciompi. Un momento di storia fiorentina ed europea. Firenze, 1981. P. 105–124.
24. Rucellai G. La vita civile // Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone / a cura di A. Perosa. London: The Warburg Institute, University of London, 1960.
25. Sestan E. Il Comune nel Trecento. Firenze: Sansoni, 1953.
26. Stefani M. Cronaca fiorentina / a cura di N. Rodolico // Rerum italicarum scriptores. Citta di Castello: S. Lapi, 1903. 677 p.

27. Ugolini G. Moti popolari e potere nell'esperienze fiorentine del Trecento // Un'altra Firenze. L'epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze: Vallecchi, 1971.
28. Ugolini P. La politica fiorentina di Cosimo de' Medici // L'epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze: Vallecchi, 1971.
29. Uzzano. Versi fatti da Niccolò da Uzzano, predicando la mutazione dello stato / a cura di G. Canestrini // Archivio storico italiano. 1843. Serie I, Vol. 4. P. 197–300.
30. Velluti D. La cronaca domestica scritta tra il 1367 e 1370 / a cura di I. Del Lungo, C. Volpi. Firenze: G. C. Sansoni, 1914. 412 p.
31. Villani F. Cronica di Filippo Villani // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste: Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1857–1858.
32. Villani M. Cronica // Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste: Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1857–1858.

References

1. Villani D. New Chronicle or History of Florence / transl., art. and notes by M.A. Yusim. Moscow: Nauka, 1997. 551 p. (In Russ.)
2. Compagni Dino. Chronicle of events that happened in his time / transl. by M.A. Yusim. Moscow: Kanon+, ROOI Rehabilitation, 2015. 304 p. (In Russ.)
3. Krasnova I.A. Florentine Society in the second half of the 13th–14th centuries: grandi and popolani, 'good merchants and knights'. Moscow – St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2018. 494 p. (In Russ.)
4. Bruni Leonardo Aretino. Praise of the City of Florence in Humanistic Thought of the Italian Renaissance / ed. by L.M. Bragina. Moscow: Nauka, 2004. p. 164–199. (In Russ.)
5. Arnaldi G. Dino Compagni: cronista e militante "popolano". *La cultura*. 1983;21(1):1–48.
6. Bertelli S. Il potere oligarchico nello stato città medievale. Firenze: La nuova Italia, 1978. 174 p.
7. Brucker G. Florentine Politics and Society. 1343–1378. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962. 431 p.
8. Cavalcanti G. Istorie fiorentine. Vol. I. Firenze: Tipografia all'insegna di Dante, 1838. 630 p.
9. Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di G. Berti. Firenze: Leo S. Olschki, 1994.
10. Compagnano. Cronica seconda di Anonimo fiorentino (Diario Compagniano) in Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e memorie / Rerum Italicarum Scriptores. Firenze, 1903–1913.
11. Dainelli A. Niccolò d'Uzzano nella vita politica dei suoi tempi. *Archivio storico italiano*. 1932;17:35–86.
12. De Rosa D. Alle origini della Repubblica fiorentina. Dai consoli al "Primo popolo" (1172–1260). Firenze: Arnaud, 1995. 287 p.
13. Doren A. Le arti fiorentine. T. II. Firenze: F. Le Monnier, 1940. 298 p.
14. Hurtubis P. Une famille-temoin. Les Salviati. Città del Vaticano: Biblioteca apostolica vaticana, 1985. 527 p.
15. Kent D.V. The Florentine Reggimento in the fifteenth century. *Renaissance quarterly*. 1975;28(4):575–638.
16. Monti A. Les chroniques Florentines de la première revolte populaire a la fin de la Commune (1345–1434). Lille: Atelier national de reproduction des thèses, Université de Lille III, 1983. 1170 p.
17. Morelli G. Ricordi / a cura di V. Branca. Firenze: F. Le Monnier, 1956. 547 p.
18. Najemy J.M. Storia di Firenze. 1200–1575. Torino: Giulio Einaudi editore, 2014. 643 p.
19. Rado A. Maso degli Alberti e il partito oligarchico. Firenze, 1926.
20. Ravaggi S. Il regime ghibellino in Ghibellini, guelfi e popolo grasso: i detentori del potere a Firenze. Firenze: La nuova Italia, 1978.
21. Razzi S. Vita di Gualtieri duca di Athene. Firenze, 1976.
22. Riformazione N. Cronica di ser Nofri della Riformazione in Corrazini G.O. Ciompi. Cronache e documenti. Firenze: G. C. Sansoni, 1887.
23. Rubinstein N. Il regime politico di Firenze dopo il Tumulto dei ciompi in Il Tumulto dei ciompi. Un momento di storia fiorentina ed europea. Firenze, 1981. p. 105–124.
24. Rucellai G. La vita civile in Giovanni Rucellai ed il suo Zibaldone / a cura di A. Perosa. London: The Warburg Institute, University of London, 1960.
25. Sestan E. Il Comune nel Trecento. Firenze: Sansoni, 1953.
26. Stefani M. Cronaca fiorentina / a cura di N. Rodolico in Rerum italicarum scriptores. Città di Castello: S. Lapi, 1903. 677 p.
27. Ugolini G. Moti popolari e potere nell'esperienze fiorentine del Trecento in Un'altra Firenze. L'epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze: Vallecchi, 1971.
28. Ugolini P. La politica fiorentina di Cosimo de' Medici in L'epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze: Vallecchi, 1971.
29. Uzzano. Versi fatti da Niccolò da Uzzano, predicando la mutazione dello stato / a cura di G. Canestrini. *Archivio storico italiano*. 1843;4:197–300.
30. Velluti D. La cronaca domestica scritta tra il 1367 e 1370 / a cura di I. Del Lungo, C. Volpi. Firenze: G. C. Sansoni, 1914. 412 p.
31. Villani F. Cronica di Filippo Villani in Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste: Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1857–1858.
32. Villani M. Cronica in Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Trieste: Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1857–1858.